

АЛТАЙСКИЕ РУДОЗНАТЦЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И АЛТАЯ*

В.Г. Волков

Музей истории г.Томска

На начальном этапе освоения Верхнего Приобья и Алтая русскими значительную роль сыграла благоприятствующая политика Петра I в отношении поиска медной руды. За короткий период, от времени основания Умревинского острога в 1707 г. до 3-й ревизии 1763 г., наряду с тем, что Алтай становится одним из центров металлургической промышленности России, территория Колывано-Воскресенских заводов, ранее практически незаселенная, становится одним из наиболее населенных районов Сибири [1]. Начало этому процессу было положено деятельностью первых алтайских рудознатцев — Степана Костылева, Михайлы Волкова, Леонтия и Макара Останиных, Матвея Устюжанина-Кудрявцева, Ивана и Петра Шелегиных и их соратников.

Несмотря на многочисленность работ по истории горнорудной промышленности России, в том числе Алтая, биографии практически всех первых алтайских рудознатцев полны белых пятен. Особенно это касается сведений относительно их происхождения.

Цель данной статьи — осветить вышеперечисленные проблемы на основе вновь выявленных материалов. Главными источниками для данной статьи явились документы массового характера: переписные книги, крестьянские книги, материалы 1-й и 2-й ревизий, исповедные росписи. Наряду с тем, что эти источники весьма сходны между собой (являются переписями различных категорий населения), есть между ними и различия. Переписные книги: по Тобольскому и Верхотурскому уезду 1679–1680 гг. Льва Поскочина и перепись по тем же уездам 1710 г. описывают все слои населения: служилых людей, духовенство, оброчных и пашенных крестьян, бобылей и гулящих людей. В переписи 1679–1680 гг. возраст главы семьи и женатых сыновей не указывался, включено только мужское

население. В переписи 1710 г. указан возраст всех членов семьи, эта перепись включает и женское население. Крестьянские книги в основном являются переписью пашенных крестьян и их пашен. Первая (1719–1721 гг.) и вторая (1743–1744 гг.) ревизии являются переписями мужского населения без указания размеров их хозяйства. В исповедных росписях перечислялся полный состав семьи с указанием, кто был на исповеди, а кто не был. Те исследователи, которые касались темы происхождения рудознатцев, использовали прежде всего делопроизводственные материалы, сохранившиеся в фонде Берг-коллегии: различные доношения, переписку и т.п., редко обращаясь к источникам массового характера [2]. Если же авторы обращались к такого рода источникам, то ограничивались документами, которые относятся к одному региону, без выхода на материалы более широкого территориального охвата. Сопоставление и анализ новых архивных материалов позволили нам выяснить происхождение рудознатцев, проследить их перемещение из мест рождения на территорию Верхнего Приобья и на Алтай или хотя бы высказать предположения относительно этого.

Наиболее известна биография Степана Костылева благодаря его собственным показаниям. В 1720 г. в доношении в Берг-коллегию Степан Костылев сообщил, что в 1717 г. им была подана челобитная губернатору Сибирской губернии Матвею Петровичу Гагарину с просьбой отпустить его из Коркиной слободы «и взять из тое слободы охочих людей искать вверху по Ишиму реке ... и по иным рекам руды серебряные, медные, железные и иных, и слюды, и в курганах вещей». Но вследствие самоуправства приказчика Коркиной слободы, который отобрал у него грамоту, Костылеву не

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект №03-01-008-78а.

АЛТАЙСКИЕ РУДОЗНАТЦЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И АЛТАЯ

удалось, по его словам, набрать «охочих людей».

В 1718 г. он отправился в Томский уезд, где вместе со своим товарищем Иваном Горбуном приискал «медные руды ... многое число». Придя в Томск, в 1719 г. он просил томского коменданта Василия Козлова разрешить ему и Ивану Горбуну дальнейшие поиски руды. Василий Козлов такого разрешения не дал, «челобитную ... бросил оземь, ... хотел» их «кнутом бить».

В связи с этим Степан Костылев жаловался в Берг-коллегию на самоуправство приказчика и коменданта, просил разобраться, Ивана Горбуна определить к рудоискательскому делу, а ему самому назначить жалованье.

В 1734 г. в доношении руководителю Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов Василию Татищеву Степан Костылев сообщал, что «в прошлом 1720-м году в Томском уезде обыскал я, нижайший, с товарищи моими Михайлом Волковым, Леонтием да Макаром Останиными, Федором Комаровым выше Томска по Обе и по Алею рекам ... медные руды» [3].

По воспоминаниям С. Костылева, в 1722 г. он и Михайло Волков были отправлены на Урал и оставлены «якобы для науки» – Костылев на Шиловском руднике, Волков на Григоровском «в Перми». Волков вскоре бежал с Григоровского рудника, а Костылев после долгих разбирательств был отпущен «в дом свой во оной Томской уезд». После возвращения в Приобье Степан Костылев, собрав «в товарищи для безопасности из промышленных людей», послал в Алейские горы своего сына Якова с Леонтием и Макаром Останиными. В конце 1725 г. Яков Костылев и Леонтий Останин доставили в Сибирское главное горное начальство в Екатеринбурге образцы медных руд, найденных в бассейне рек Алея и Чарыша [4].

В доношении этих рудознатцев Яков Костылев указан как крестьянин «Томского города острогу Чеускова ... Аристовой деревни», а Леонтий Останин как беломестный (казак) деревни «Ягошенской» того же ведомства [5]. Степан Костылев был также приписан к этому острогу, так как в 1734 г. сообщал, что Яков с Останиными образцы руд «привезли ко мне в дом в Чаужской острог» [6].

Из показаний Степана Костылева вырисовывается круг его соратников («товарищей») – Михайло Волков, Леонтий и Макар Останины, Федор Комаров и Иван

Горбун. Эти же показания позволяют предположить, из каких мест пришли Степан Костылев и его товарищи. Прежде всего, упоминается Коркина слобода, где С. Костылев пытался собрать команду «охочих людей» для поисков руды. В переписной книге 1710 г. по Коркиной слободе в деревне Максимовой указан Степан Григорьев сын Костыль 30 лет вместе с сыновьями Яковом и Степаном [7]. Нет никаких сомнений, что упомянутый в этой переписной книге Степан Костыль и есть рудозналец Степан Костылев. Совпадают имена детей и их возраст. То, что вместо фамилии здесь указано прозвище, наводит на мысль, что и Ивана Горбуна правильнее назвать Иваном Горбуновым. Отличие материалов этой переписи от других источников, например крестьянских книг, в небрежном написании фамилий или в полном их игнорировании переписчиками.

Возможно, что и другие рудознатцы, «товарищи» Степана Костылева, имели отношение к Коркиной слободе.

Обратимся к кратким сведениям, относящимся к биографии Михайлы Волкова. В августе 1717 г. в донесении кузнецкому коменданту Б.А. Синявину приказчик Белоярской крепости сообщал, что «приезжали сюда в Белоярский Чаусского острога восемь человек: Михайло Волков с товарищи и просились здесь в Белоярском жить, и я их не принял и отослал назад в Чаусский острог. И оные вышепомянутые люди восемь человек, отъехав от Белоярска верст десять или больше и с той дороги сворота в степь, покинули от себя одного человека своего товарища Дорофея Веснина, за скорбью. Наехали на того человека белоярские жители, а у того человека коня и запасов с ним не явилось. И привезли [его] в Белоярск. И я того человека допрашивал, и вышепомянутый человек сказал против своих товарищей, что ушли де в степь вверх по Оби-реке под Чемры. И я за теми вышепомянутыми людьми послал в погоню 20 человек, настичь их не могли, а вышепомянутый их товарищ Дорофей Веснин в Белоярске умер» [8].

То, что речь в этом документе идет о рудознатце Михайле Волкове, не вызывает никаких сомнений. Вероятнее всего, что он, также как Степан и Яков Костылевы, числился крестьянином Чаусского ведомства.

К сожалению, нам неизвестны имена всех восьми человек этого похода, но имя Дорофея Веснина также встречается в переписной

книге Коркиной слободы 1710 г. в той же деревне Максимовой, где указан Степан Костылев. Оброчный крестьянин Дорофей Афанасьев Веснин сорока лет проживал в д. Максимовой с женой, сыном Андреяном и дочерьми [9].

Следовательно, и Михайло Волков может быть связан с Коркиной слободой. По поводу происхождения М. Волкова уже имеется ряд версий, согласно одной из них, Михайло Волков – крепостной крестьянин рязанской помещицы Селивановой, согласно другой – тобольский казачий сын [10]. Мы предлагаем иную версию.

В дополнительной переписи 1721 г. тех, кто явился после первой переписи 1719 г., в д. Гуселетовой ведомства Бердского острога указаны крестьяне Максим и Иван Михайловы Волковы, «родом Сибирской губернии Тобольского уезду Коркиной слободы» [11], которые заявляли, что жили «во крестьянх» и написаны в переписных книгах 1719 г. в Коркиной слободе. Они вполне могли быть детьми Михайлы Волкова. Но в переписной книге 1710 г., этих Волковых не оказалось. Нашлись они гораздо западнее, в Красномысской слободе [12]. В 1710 г. в Красномысской слободе [13] жил крестьянин Михайло Аверкиев сын Волковых 50 лет с детьми Михайлой 30 лет, Максимом и Иваном [14]. То, что этот Михайло Волков из Красномысской слободы – отец Максима и Ивана из д. Гуселетовой подтверждается дополнительными сведениями. Иван Волков сообщал, что живет у брата Василия Поклонова, а в Красномысской слободе жил в 1708 и 1710 гг. Семен Аверкиев сын Поклон 70 лет с детьми Иваном, Василием, Мартыном и Феофаном [15]. Таким образом, Иван Волков и, соответственно, Максим Волков приходятся Василию Поклонову не родными братьями, а двоюродными. Остается один вопрос: кто же из двух Михайлов Волковых, отец или сын, идентичен рудознатцу Волкову. Возможно, это был младший Михайло Волков, т.к. его возраст (30 лет в 1710 г.) полностью совпадает с возрастом Степана Костылева – они ровесники-одногодки, между ровесниками вполне естественна дружба-«товарищество». Однако не исключено, что это был старший Михайло Волков; по крайней мере, перепись 1719 г. в Красномысской слободе не зафиксировала Михайлу Аверкиева Волкова и его детей [16]. К сожалению, в различных документах, где упоминается рудознатец Михайло Волков, не указано его отчество и социальное положение (крестьянин, казачий

сын и т.д.), что весьма затрудняет идентификацию этого человека. Естественно, пока не будут найдены новые документы, вероятнее всего в фондах Берг-коллегии, которые смогли бы прояснить истинное происхождение Михайлы Волкова, наша версия останется всего лишь гипотезой.

Но все же, попробуем восстановить жизненный путь Михайлы Волкова до 1717 г., согласуясь с нашей версией. Родился он, вероятнее всего в Красномысской слободе, до 1710 г. жил там вместе с отцом и числился крестьянином. В период между 1710 и 1717 гг., он переселяется вместе с братьями в Коркину слободу. Здесь он знакомится со Степаном Костылевым, а затем, в 1716 или 1717 г. переселяется в Томский уезд, где его приписывают к Чаусскому острогу.

Дальнейшая биография Михайлы Волкова переходит из области предположений к области фактов. До 1720 г, вероятнее всего, в 1719 г., вместе со Степаном Костылевым, Леонтием и Макаром Останиными и Федором Комаровым «обыскал ... выше Томска по Обе и по Алею рекам в Алейских горах в шести местах медные руды» [17].

В 1720 г. «был в Омской крепости для звериного промыслу, ... сказал за собою государево слово и дело из Омской крепости прислан в Тоболеск и подал доношение о прииске руд в Томском уезде ниже Томска верст семдесят на реке Шагарке да вверх по Обе на реке Порося и во всем Томском уезде по рекам же» [18].

Из Тобольска вместе с рудным мастером Федором Инютиным его посылают в Томск, оттуда в Чаусский острог, где он занимается поисками руды.

Тогда же отправляется вверх по реке Томи к Красной горе и находит и берет «сверху тои горы горелой земли» т.е. находит месторождение каменного угля. Затем едет в Томск, а оттуда в Тобольск и «объявляет ту руду» в Тобольской губернской канцелярии. Руда была отправлена для освидетельствования в Берг-коллегию, резолюция которой гласила: «Против доношения Михайла Волкова о рудах конечно велеть исследовать и розыскать, и ежели явитца руда добрая, доносителя против привилегии наградить...» [19].

Из Тобольска в мае 1721 г. вместе с Петром Брофцыным и Никитой Петровым Михайло Волков и его «товарищи» Степан Костылев и Федор Комаров направляются для исследования месторождений обратно в Томский уезд. Результатом этого исследования

АЛТАЙСКИЕ РУДОЗНАТЦЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И АЛТАЯ

явилось известное и везде цитируемое донесение М. Волкова, С. Костылева и П. Брофцына (Бривцына) в Сибирский обер-берг-амт о нахождении месторождений руд и каменного угля [20].

Экспедиция П. Брофцына вернулась в Кунгур 10–12 февраля 1722 г. Донесение, реестр руд и образцы были посланы в Москву. Волков и Костылев до получения ответа из Берг-коллегии были направлены к горным работам на Подволошный рудник, находившийся неподалеку от Уктусского [21]. Степан Костылев сообщал, что Волков был направлен на Григоровский рудник «в Перми» и оттуда бежал [22]. Вероятно, побег этот был совершен Волковым вскоре после прибытия на Григоровский рудник, т.е. в том же 1722 г. Если это так, то версия о происхождении Волкова из крепостных крестьян помещицы Селивановой становится совсем маловероятной. Из доношения Селивановой, написанного в 1724 г., следует, что её крепостной Михайло Волков занимался и занимается поисками руды именно в этом 1724 г., всего лишь не согласуя свою деятельность с волей своей помещицы [23]. Следовательно, крепостной рудознатец Михайло Волков и алтайский рудознатец – два совершенно разных лица. Кроме того, если бы алтайский рудознатец имел какое-либо отношение к помещице Селивановой, она в своем доношении непременно бы указала на его столь длительное отсутствие, как минимум семь лет, с 1717 по 1724 г. Исходя из нашей версии, не мог он быть и казачьим сыном, тем более, что ни в одном из известных нам документов социальное положение (крестьянин, крестьянский сын или казачий сын) М. Волкова не указано. Согласуясь с нашей версией, правильнее будет его именовать крестьянским сыном или крестьянином Тобольского уезда.

Происхождение рудознатцев Останиных более ясно, нежели происхождение М. Волкова. В 1707 г. в списках вновь прибывших в Умревинский острог Томского уезда значится Леонтий Трифонов сын Останин, родом Арамашевской слободы Верхотурского уезда. В крестьянской книге Арамашевской слободы [24] на 1709 г. Леонтий Останин не указан, но есть Сергей и Андрей Трифоновы Останины, а также Макар Кирилов Останин [25]. Все они жили в деревне Останиной. В переписных и крестьянских книгах 1659–1696 гг. указаны братья Трифон и Кирилл Семеновы Останины, проживавшие в этой деревне. В 1680 и 1696 гг. у Трифона указан сын Сергей (в 1680 г. – 8

лет), у Кирилла сын Макар (в 1680 г. – 3 года). Нет сомнений, что Трифон Семенов Останин является отцом Леонтия Останина, а Андрей Трифонов, о котором речь пойдет ниже, его братом.

Таким образом, Леонтий Останин, появился в Томском уезде в 1707 г., пожалуй, раньше всех рудознатцев, о которых идет речь в данной статье. После основания Чаусского острога, он, как и многие другие переселенцы, обосновался в ведомстве этого острога.

Как уже сообщалось выше, Леонтий Останин в документе 1725 г. указан как беломестный (казак) Чаусского острога. К сожалению, мы не располагаем сведениями о жителях Чаусского острога по 1-й ревизии, но ясность в отношении личности другого Останина – Макара, вносят исповедные росписи Чаусского острога 1742–1744 гг. В ведомстве этого острога в 1742 г. проживал Макар Кирилов сын Останин 80 лет с семьей. Нет повода сомневаться, что это тот самый Макар Кирилов сын Останин, указанный в 1680 и 1709 гг. в деревне Останиной ведомства Арамашевской слободы и тот самый, который участвовал в экспедиции к Алейским горам. Кроме его семьи, указаны семьи Ильи Кирилова Останина 62 лет, Марко Кирилова Останина 82 лет, Василия Филиппова Останина 42 лет, Ивана Сергеева Останина 52 лет и Гаврилы Алексева Останина 34 лет – всего шесть семей. Почти всех их находим в разные годы в той же д. Останиной. Как видим, арамашевские Останины уже к середине XVIII в. образовали довольно значительный родственный клан в Чаусском остроге. Но территория их расселения к этому времени не ограничивалась ведомством Чаусского острога. В 1755 г. в д. Гилевой прихода Николаевской церкви с. Кашинского (на р. Алей) среди раскольников указан Михайло Филиппов Останин 44 лет [26]. Сам Леонтий Останин вместе с братом Андреем, согласно переписи С. Пальца 1735 г., жил в демидовской деревне Кабановой на Чарыше. Леонтию указано 62 года, Андрею – 65 [27]. В 1770 г. в д. Порозихе проживали дети Леонтия – раскольники Петр Леонтьев Останин 72 лет и Савелий Леонтьев Останин 64 лет [28].

Ю.С. Булыгин считал Леонтия и Андрея Останиных идентичными рудознатец-раскольникам Леонтию и Андрею Кабановым, которые участвовали в поисках медных руд около г. Сихоти [29]. В Арамашевской слободе жил многочисленный клан Кабановых [30], и хотя родство по мужской линии между Кабановыми

и Останиными не прослеживается, вполне вероятно, что Леонтий и Андрей Останины были связаны родством с Кабановыми по материнской линии, поэтому и именовались Кабановыми.

Леонтия и Андрея Кабановых называют среди тех «рудосыщиков»-старообрядцев, т.н. «олонецких стариков», которые были направлены с Урала на Алтай в 1724 г. в качестве доверенных лиц Акинфия Демидова. Кроме них также называют имя Матвея Кудрявцева [31]. Считается, что в 1723 г. Матвей Кудрявцев вместе с Леонтием и Андреем Кабановыми открыл у горы Синюхи Колыванское месторождение меди. Ему же приписывают открытие нескольких месторождений полиметаллических руд, обнаруженных в окрестностях Колывано-Воскресенского завода в конце 1720-х гг. [32]. По свидетельству Степана Костылева, Матвей Кудрявцев первоначально носил фамилию Устюженин, жил в ведомстве Колчеданского острога, затем бежал и «жил в бегах в Ишимском дистрикте в раскольниковских пустынях», где сменил фамилию на Кудрявцев [33]. Как удалось уточнить Ю.С. Булыгину, дети Матвея Кудрявцева прибыли в Приобье из той же Коркиной слободы Ишимского дистрикта [34]. Ю.С. Булыгин отождествлял Матвея Устюженина-Кудрявцева с Матвеем Дмитриевичем Кожевниковым, указанным в списке Семена Пальца 1735 г., в списке раскольников Н. Шишкова 1743 г. и в более полном списке раскольников 1749 г. [35]. При просмотре материалов переписи 1710 г. по Коркиной слободе нами в деревне Фирсовой обнаружен Матвей Дмитриев сын Кожевников 40 лет с сыном Петром 2-х лет [36]. Следующим в той же переписи шли Иван Денисов 50 лет с сыном Петром 15 лет и Андрей Трифонов с женой Софьей и дочерьми Катериной и Марьей [37]. Относительно Андрея Трифонова не вызывает сомнения, что это упоминавшийся выше брат Леонтия Останина, так как совпадают возраст, имя жены и дочери.

Иван Денисов и его сын Петр оказываются представителями еще одной семьи рудознатцев – Шелегиных.

В списке С. Пальца 1735 г. в д. Усть-Чарышской в числе раскольников указан Иван Денисов сын Шелегин вместе с женой Ульяной Ивановой. В той же деревне записана жена его сына Петра Настасья Иванова. Петр Иванов Шелегин указан в дополнительном списке 1737 г. с пометой, что в 1735 г. «взят в Кузнецк по указу» [38]. Как предполагал

Ю.С. Булыгин, по раскольниковскому делу [39]. В ведомстве Колывано-Воскресенского завода Шелегины впервые учтены в 1734 г. в переписи дворянина Мельникова. По мнению Ю.С. Булыгина, рудоискательское дело было в семье наследственным; Иван Денисович Шелегин занимался поисками руд в Томском уезде вместе со Степаном Костылевым [40]. Последний раз Иван Шелегин 85 лет уже без жены был записан в 1743 г. в список раскольников Н. Шишкова [41].

Предки Шелегиных легко находятся все в той же Арамашевской слободе. Родоначальником рода был Карп Иванов сын Шелега или Шеляга. С 1646 по 1666 г. он упоминается среди крестьян Невьянской слободы (д. Фомины, д. Нижний Яр). Его дети Денис и Мирон в 1659 и 1666 гг. указаны вместе с отцом, а затем, в 1680 г. появляются в переписи Льва Поскочина в д. Бучине Арамашевской слободы. У Дениса в этом году указаны два сына Ивана: один 10, другой 8 лет. В 1696 г. Мирон Карпов и два Ивана и Семен Денисовы Шелегины указаны в д. Шелегиной той же слободы. Вероятно, эта деревня была основана Шелегиными в период между 1680 и 1696 гг., либо это другое наименование д. Бучиной [42]. Какой из двух Иванов идентичен отцу Петра Шелегина, сказать трудно, вероятно старший. Как уже упоминалось выше, в д. Фирсовой по переписи 1710 г. проходит Иван Денисов с сыном Петром. Предположение о том, что он идентичен Ивану Шелегину строится на том, что в той же деревне указан и Мирон Карпов сын Шелегин с сыном Яковом [43]. Кроме того, по ревизии 1744 г. в д. Фирсовой жило несколько семей Шелягиных [44], родственные связи которых с Иваном Денисовым легко устанавливаются. Таким образом, указанный в 1710 г. в д. Фирсовой ведомства Коркиной слободы Иван Денисов идентичен Ивану Денисову Шелегину, и приходился племянником жившему в той же деревне Мирону Карпову Шелегину, прибывшим из Арамашевской слободы, и родственником всем указанным в 1744 г. в той же д. Фирсовой Шелягиным.

После 1710 г. Иван Шелегин с сыном покидает Коркину слободу и, по-видимому, переселяется в Чаусский острог. Косвенным свидетельством в пользу такой догадки является существование д. Шелегиной в ведомстве Чаусского острога, зафиксированное 2-й ревизией 1745 г. [45]. На наш взгляд, можно предполагать, что

АЛТАЙСКИЕ РУДОЗНАТЦЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И АЛТАЯ

возникновение д. Шелегиной в Верхнем Приобье связано именно с переселением Ивана Денисовича Шелегина и его семьи. Петр Шелегин еще в 1723 г. был записан как крестьянин Ишимской Коркиной слободы [46], что может означать его недавнее переселение в Чаусский острог, либо приход в Верхнее Приобье в более позднее время. По материалам 1742–1744 гг. в Чаусском остроге Шелегины уже не значатся.

Относительно происхождения Федора Комарова и Ивана Горбуна практически ничего не известно. Попробуем лишь высказать несколько предположений.

В Красномысской слободе, там, где проживали Волковы, по переписи 1710 г. значатся пять семей Комаровых. Среди них и семья Федора Павлова сына Комарова 46 лет с детьми Егором, Василием и Петром. В переписи идут последовательно Федор Павлов сын Комаров, Дмитрий Федоров сын Волков, Савва Павлов сын Комаров и Семен Аверкиев сын Поклон (брат Михайлы Аверкиева сына Волкова) [47]. Племянник этого Федора Комарова – Филат Васильев сын Пакулев поселился после 1710 г. в Коркиной слободе [48]. Не исключено, что вместе с ним жил какое-то время в Коркиной слободе и его дядя.

Кроме этого, в Чаусском остроге в 1744 г. указан Федор Федоров сын Комаров 22 лет [49], который вполне мог быть сыном рудознатца Федора Комарова.

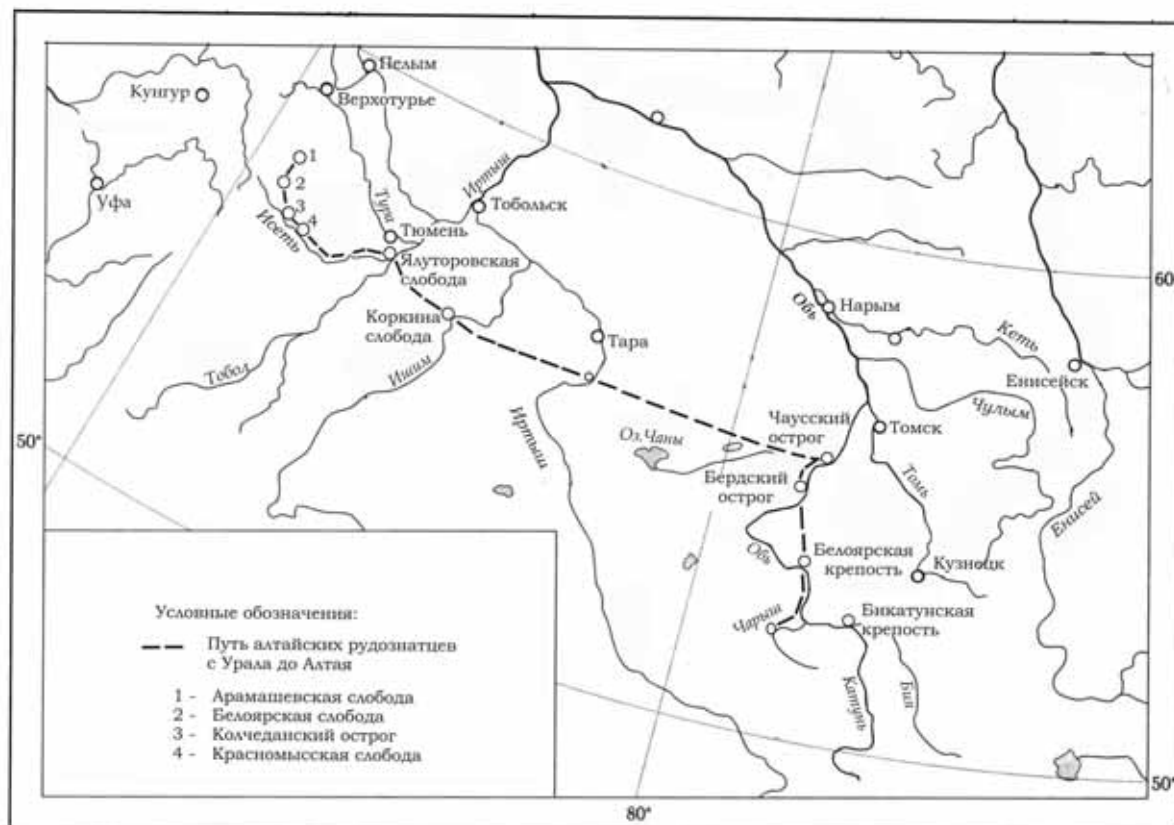
В Чаусском остроге в те же годы записано восемь семей Горбуновых, среди них семья, во главе которой был 77-летний Иван Васильев сын Горбунов [50]. Горбуновы также встречаются в д. Максимовой Коркиной слободы, в той самой, в которой в 1710 г. проживал Степан Костылев [51].

Но, как и в случае с Михайлой Волковым, отсутствие указаний на отчество, социальное

положение и приписку к какой-то местности не дают нам возможности подтвердить наши предположения.

Исходя из всего вышесказанного, попробуем проследить путь алтайских рудознатцев с Урала до Чаусского острога (см. карту).

Наиболее крайний населенный пункт – Арамашевская слобода, точнее деревня Останина, которая находится немного южнее Арамашевской слободы. Отсюда вышли Останины и Шелегины и двинулись по дороге к Белоярской слободе. Перепись 1710 г. зафиксировала Архипа Трифонова и его дядю Дмитрия Семенова Останиных в деревне Клевакиной ведомства этой слободы. Первый приходится братом Леонтию Останину, последний, соответственно, дядей. Продолжая движение на юг и юго-восток, они вышли к Колчеданскому острогу, где вероятно, встретились с Матвеем Устюжаниным-Кожевнико-вым-Кудрявцевым. Далее по дороге располагаются Катайский острог, Долматов монастырь и Красномысская слобода. Не исключено, что уже здесь Останины встретили Волковых и Комарова. Затем их путь лежал через Шадринскую слободу к Ялуторовской слободе и, наконец, к Коркиной слободе, точнее к деревне Фирсовой. Здесь задержались Андрей Останин, Матвей Кудрявцев и Иван Шелегин, где их зафиксировала перепись 1710 г. Здесь вполне вероятно встреча со Степаном Костылевым из д. Максимовой. Братья Максим и Иван Волковы пришли в Коркину слободу позднее, после переписи 1710 г., а вот Михайло Волков (брат или отец предыдущих) мог прийти сюда ранее 1710 г. и пойти дальше вместе с Леонтием Останиным, который не задержался в Коркиной слободе и в 1707 г. уже объявился в Умревинском остроге.

Путь алтайских рудознатцев 1-й трети XVIII в. с Урала до Алтая

Обосновавшись в Чаусском остроге, Михайло Волков, Леонтий Останин, Федор Комаров и Иван Горбун (Горбунов) начинают свою рудоискательскую деятельность. В 1717 г. Михайло Волков с группой чаусских жителей (среди которых были выходцы из Коркиной слободы) отправляется на юг, к Белоярской крепости, «вверх по Оби-реке под Чемры» [52].

Экспедиции, предпринятые алтайскими рудознатцами в последующие годы, привели к открытию медных руд в верховьях рек Алея и Чарыша, каменного угля на Томи и т.д.

Особенно следует, вслед за С.Ю. Булыгиным, отметить тесную связь рудознатцев со старообрядчеством. Главой чарышских старообрядцев считался Матвей Устюжанин-Кудрявцев, вместе с Кабановыми (Останиными) организовавший в 1745 г. гарь в д. Усть-Чарышской [53]. Останины, Кудрявцевы, Шелегины, Волковы в последующее время продолжают числиться среди раскольников, и вместе с другими

старообрядцами некоторые представители этих фамилий, например, Останины, продвигаются на Бухтарму («в Камень»), стремясь избежать преследования со стороны властей, и основывают там новые поселения и товарищества [54].

Трудно переоценить роль алтайских рудознатцев в освоении Алтая, когда только начался процесс его присоединения к России. Открытые ими месторождения и места древних выработок стали основой для возникновения горно-металлургических предприятий А. Демидова, позднее ставших основой кабинетского хозяйства на Алтае. Они были первопроходцами и первыми поселенцами на новых землях [55]. Вслед за ними шли и селились на новых землях члены их семей и ближайшие родственники, основывая новые деревни. Прошло менее тридцати лет после появления Михайлы Волкова в ведомстве Белоярской крепости в 1717 г., и уже в 1755 г. население большинства приходов Барнаульского заказа

АЛТАЙСКИЕ РУДОЗНАТЦЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ И АЛТАЯ

превышало население приходов Томского заказа Тобольской епархии [56]. Потомки рудознатцев: Останины, Кудрявцевы, Волковы, Костылевы продолжали осваивать Верхнее Приобье. Из Чаусского острога они переходят в Бердский, затем в Белоярскую слободу, к рекам Чарышу и Алею, и, продвигаясь дальше на юг, к концу XVIII в. некоторые из них обосновываются на Бухтарме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян Кабинетского хозяйства в Сибири. – Томск, 1985. – С. 43.; Жеравина А.Н. Рост крестьянского населения Западной Сибири в XVIII в. // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1984. – Вып. 1. – С. 10.
2. Следует отдать должное Ю.С. Булыгину, который активно использовал источники массового характера в своих исследованиях, посвященных вопросам происхождения рудознатцев. См.: Булыгин Ю.С. Крестьяне-рудознатцы на Алтае XVIII в. // Ползуновские чтения 1989 г.: Тезисы науч.-практич. конф. – Барнаул, 1989. – С. 18–20; Булыгин Ю.С. О роли раскольников-старообрядцев в первоначальном заселении и освоении русскими людьми Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Старообрядчество: История и культура: Сб. научных трудов. – Барнаул, 1999. – Вып. 1. – С. 4–20.
3. Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. – Барнаул, 1999. – С. 296, 309. В.Б. Бородаев и А.В. Контев считают, что эта экспедиция состоялась в 1719 г., поскольку к маю 1720 г. первооткрыватели с образцами найденных руд уже были доставлены из Сибири в Москву (Бородаев В.Б., Контев А.В. Возникновение российского сереброплавильного производства на Алтае и основание города Змеиногорска // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. – Барнаул, 1999. – С. 77).
4. Серебряный венец... – С. 310.
5. Там же. – С. 297. Из следующего документа (с. 299) ясно, что деревня Ягошенская – это искаженное название деревни Ояшенской ведомства Чаусского острога.
6. Там же. – С. 310.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1493 Л. 146.
8. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века. Барнаул, 1991. С. 24.
9. РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1493. Л. 147.
10. Зворыкин А.А. Первооткрыватели каменноугольных бассейнов СССР. – М., 1950; Казачий сын Михайло Волков – первооткрыватель Кузнецкого бассейна // Сталинский Кузбасс. – 1949. – № 2. – С. 180–181; Балибалов И.А. Михайло Волков // Кузбасс. – 1952. – 17 янв.; Кузнецкий угольный бассейн. – М., 1957. – С. 34; Соколова В.П. Из летописи Кузбасса (памятные даты). – Кемерово, 1960. – С. 3; Яворский В.И. Земля Кузнецкая от древних эпох до наших дней. – М., 1973. – С. 37–38; Ильичев А.И., Соловьев Л.И. География Кемеровской области. – Кемерово, 1994. – С. 8.; Колобков М.Н. Михайло Волков – первооткрыватель Кузбасса (к 230-летию открытия кузнецкого угля) // Сибирские огни. – 1952. – № 4. – С. 131–135; Колобков М.Н. Кузнецкий бассейн (очерки природы и хозяйства). – Кемерово, 1956. – С. 43; Щербинин С.Н. 50 лет Кемеровскому руднику. – Кемерово, 1957. – С. 5–6.; Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. – Новосибирск, 1963. – С. 41; История Кузбасса. – Кемерово, 1967. – Т. 1-2. – С. 49–50; Угольная промышленность Кузбасса 1721–1996 гг. – Кемерово, 1997. – С. 30–31.
11. РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1626. Л. 398 об., 399 об.
12. Волковы были не единственными, которые заявляли, что родом они из таких-то мест, а оказывалось, что родились они в совершенно иных местах. Вероятно, под словами «родом» подразумевалось последнее местопребывание.
13. Ныне это село Красномыльское Курганской области.
14. РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1499. Л. 431 об.; Кн. 1525. Л. 455.
15. Там же. Кн. 1499. Л. 434.; Кн. 1525. Л. 462 об. Возраст Семена явно завышен, старшему сыну Ивану указано 22 года, следовательно, самому Семену должно быть около 60 лет.
16. РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1587. Л. 797–822.
17. Серебряный венец... – С. 76–77, 309.
18. РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Кн. 621. Л. 85–86 об.; Усков И.Ю. Кемерово: формирование территории и населения областного центра. – Кемерово, 2001. – С. 31.
19. РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Кн. 621. Л. 85–86 об., 94 об.; Усков И.Ю. Кемерово... – С. 32.
20. РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Кн. 620. Л. 193–198 об.; Усков И.Ю. Кемерово... – С. 32.
21. Там же. – С. 34.
22. Серебряный венец... – С. 310. См. также библиографию к статье о Михайле Волкове: Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века. – Барнаул, 2000. – С. 45–46.; Усков И.Ю. Кемерово: формирование территории и населения областного центра. – Кемерово, 2001. – С. 27–33.
23. РГАДА Ф. 271. Кн. 99. Л. 28 об.–29; Усков И.Ю. Кемерово... – С. 35.
24. Ныне с. Арамашево Свердловской области.
25. Фамилия Останиных из Арамашевской слободы берет начало от Остафия Яковлева, в 1624 г. бобыля Тагильской слободы, а затем крестьянина Невьянской слободы деревни Останиной. Его внуком и был Трифон Семенов Останин, отец Леонтия, сначала крестьянин той же деревни, а затем переселившийся между 1680 и 1696 гг. в ведомство Арамашевской

- слободы и основавший здесь новую деревню Останину (РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 268; Д. 10. Л. 142; Кн. 697. Л. 321 об. – 322 об.; Кн. 1501. Л. 186 об., 190 об., 199 об., 200; Ф. 1111. Оп. 3. Д. 37. Л. 8–8 об.; Ф. 1111. Оп. 4. Д. 40. Л. 85 об.; Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (ТГИАМЗ). Научный архив. Фонд рукописных источников. Контрольная папка (КП) 12692. Л. 172–172 об.). Выражаем безмерную признательность за предоставленные материалы по генеалогии Останиных, Кабановых и Шелегиных Ю.В. Коновалову и М.Ю. Елькину (Уральское историко-родословное общество, Екатеринбург).
26. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 264. Оп. 1. Д. 1. Л. 330 об.
 27. Бородаев В.Б., Демин М.А., Контев А.В. Рассказы по истории Алтайского края. – Барнаул, 1997. – С. 109.
 28. ГАТО Ф. 263. Оп. 1. Д. 14. Л. 469 об.
 29. Булыгин Ю.С. О роли раскольников-старообрядцев... – С. 15; Исследователи Алтайского края... – С. 91.
 30. РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 510–510 об., 511 об.; Кн. 1501. Л. 195 об. – 196 об.; Кн. 1615. Л. 291 об., 292; Ф. 1111. Оп. 4. Д. 40. Л. 125.
 31. Бородаев В.Б., Демин М.А., Контев А.В. Рассказы... – С. 101.
 32. Исследователи Алтайского края... – С. 122–123.
 33. РГАДА Ф. 271. Оп. 1. Кн. 12. Л. 139; Серебряный венец... – С. 311; Бородаев В.Б., Демин М.А., Контев А.В. Рассказы... – С. 103.
 34. Там же. – С. 193, прим. 37.
 35. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 135 об.; Булыгин Ю.С. О роли раскольников-старообрядцев... – С. 14–15.
 36. РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1493. Л. 135.
 37. Там же. Л. 135–135 об.
 38. ЦХАФ АК Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 135–135 об., 148.
 39. Булыгин Ю.С. О роли раскольников-старообрядцев... – С. 17–18.
 40. Там же. – С. 17. Документальных подтверждений тезиса об участии Ивана Денисовича Шелегина в рудоискательских экспедициях Степана Костылева в статье Ю.С. Булыгина не приводится (*прим. ред.*).
 41. Там же. – С. 17.
 42. РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 194. Л. 47 об.; Ф. 1111. Оп. 4. Д. 119. Л. 64 об.–65; Д. 40. Л. 56 об.; ТГИАМЗ. КП 12692. Л. 178; РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 495; Ф. 1111. Оп. 3. Д. 37. Л. 14 об.
 43. РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1493. Л. 136.
 44. РГАДА Ф. 350. Оп. 2. Д. 3572. Л. 139 об.–140 об., 143.
 45. Булыгин Ю.С. О роли раскольников-старообрядцев... – С. 17.
 46. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 153. Л. 16.
 47. РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1499. Л. 434; Кн. 1525. Л. 462–462 об.
 48. РГАДА Ф. 350. Оп. 2. Д. 3572 Л. 69.
 49. ГАТО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 1. Л. 177 об.
 50. ГАТО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 1. Л. 33 об.
 51. РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1493. Л. 148 об.
 52. Гора Чемры расположена к северо-востоку от современного города Бийска (*прим. ред.*).
 53. Булыгин Ю.С. О роли раскольников-старообрядцев... – С. 15.
 54. Булыгин Ю.С. О роли раскольников-старообрядцев... – С. 15–18; Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири. Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. – Новосибирск, 1989. – С. 131–136.
 55. Булыгин Ю.С. Крестьяне-рудознаты на Алтае XVIII в. // Ползуновские чтения 1989 г.: Тезисы науч.-практич. конф. – Барнаул, 1989. – С. 18–20.
 56. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 13; Ф. 263. Оп. 1. Д. 1.